

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1986

ISSN 0132—1943

МУРЗИЛКА

8

КОЛЮШКИН КЛЮЧИК

Виталий КОРЖИКОВ

Всё началось с этого доброго осеннего утра. Колюшка вскочил с кровати, сделал несколько приседаний, наклонившись, подошёл к висевшей на стене географической карте и посмотрел на голубое пространство между Индией и Африкой, по которому возвращался домой его отец, старший помощник капитана Пташкин... Возвращался с обещанным деревянным слоном, с засушенной коброй и раковинами. В лицо Колюшке так и пахнуло солёным океанским ветром!

Колюшка умылся, зачесал набор светлый чубчик, который тут же снова взъерошился над зелёными глазами и коричневым пол-летнему носом. Потом выпил на кухне кружку молока с бананкой и выбежал на балкон — отломить от рябины алую ягодную гроздь для снегирей, прилетающих прямо под окно их класса. А заодно разведать, не появился ли на дороге пятиклассник Котья Мурлыкин, от которого лучше держаться подальше. Особенно если хочешь сохранить законные 20 копеек в собственном кармане.

Мурлыкина не было. Было прекрасное морозное утро. Желтели на морозце берёзы, рдели клёны. Колюшка попрощался с мамой, повесил на шею шарфик с ключом от квартиры и, размахивая портфелем и мешочком со сменной обувью, побежал к школе.

Трёхэтажное здание белело почти напротив. И Колюшка представил, как сейчас на уроке он расскажет стихотворение про осенние листья и его учительница — маленькая и деловитая Вера

Семёновна Воробьёва — удовлетворённо вскинет голову и объявит: «Молодец, Пташкин! «Пять»!» А потом, на перемене, он просунет в окно рябиновую гроздь, и два пушистых знакомых снегири станут клевать ягоды.

И вдруг впереди себя он заметил Снежную Королеву — учительницу из кабинета математики. Звали её так потому, что Зойка Богдановская, как увидела, так и охнула: «Ой, какая красивая! А строгая! Как Снежная Королева!» Все относились к ней с уважением, может быть, за строгость, а может быть, потому, что она устроила «необыкновенный, прямо-таки сказочный математический кабинет».

Королева неторопливо шла в белой заячьей шубе, держа в левой руке портфель, а в правой какую-то банку. Колюшка поздоровался и хотел проскользнуть мимо. А Королева повернула к нему раскрасневшееся лицо, громко втянула воздух вздёрнутым, совсем не королевским носом и по-доброму спросила:

— Ты не очень торопишься?

— Нет... — ответил Колюшка.

— Тогда поддержи, пожалуйста, я поправлю шарф. Обещали по радио снег, послушала, надела шубу — и вся взмокла, — и она протянула Колюшке банку.

В банке, повоя прозрачными перепончатыми лапками, пучили глаза две большие розовые лягушки. Колюшка удивился: в математическом кабинете лягушек не изучают!

Но Королева сказала:

— Нравятся? Это я вам в живой угол... — И поблагодарила: — Ну, спасибо, беги.

Колюшка хотел задержаться, но побежал, протолкнулся в толпе второклассников мимо круглой, как колобок, пожилой нянечки тёти Поли, которая выговаривала — и поделом — вырвавшегося от неё Котье, и сел на скамью переобуваться.

Рядом сидели ребята постарше. А девчонка спрашивала мальчишку:

— Сундуков, ты всё повторил?

— Ещё чего! — отвечал тот. — И так тройку поставят. Никуда не денутся! — Колюшка стал прислушиваться.

Тут на него откуда-то свалился сосед по парте, ушастый Вовка Баскин, стал хватать за шею и с хохотом катать его по скамейке, так что разлетелась вся рябиновая гроздь.

Но это было не всё. Едва они уселись за парту, Колюшка почувствовал, что чего-то у него не хватает. Он провёл рукой по карманам, потом по груди и засопел: шнурка с ключом от дома как не бывало.

Колюшка толкнул Вовку, Вовка его. Колюшка треснул Баскина ручкой по голяве. На лбу Баскина вспух желвак. Возле них мгновенно очутилась Вера Семёновна Воробьева. Колюшке показалось, что она вдруг взъерошилась, как настоящая сердитая воробья, готовая броситься на обидчика, и возмущённо чирикнула:

— Пташкин! Немедленно выйди из класса!

Пташкин сопел. Но спорить с Верой Семёновной Воробьевой было дело пустое и небезопасное.

ВПЕРЕДИ БЫЛА ЛУНА

Колюшка стоял в зелёном, как морское дно, коридоре и, поджав губы, плюхал разбухшими ресницами. Кругом была тишина. Только какая-то тоненькая шустрая учительница начальственно семенила от окна к окну и, встряхивая чёрной чёлкой, одёргивала занавески и причитала: «Ну где культура, где культура? Только и бегай, как распорядительница».

Простучав рядом с ним каблучками, она посмотрела на Пташкина:

— Стоишь? И стой как следует. Вера Семёновна зря не поставит! Ещё я тебя вызову!.. — пообещала распорядительница.

Колюшкины ресницы набухли ещё сильнее, и ему стало совсем горько.

Горько со двора доносилась команда: «Левое плечо вперёд!» Горько кивали листьями берёзы...

И тут за соседней дверью, той самой, на которой были нарисованы разные цифры и знаки, раздался знакомый голос:

— Внимание! Начинаем полёт на Луну... Десять, девять, восемь, семь...

Колюшка насторожился. Что это? Школа стояла на месте, а кабинет математики — всем классом — летел на Луну!

Колюшка быстро вытер глаза и потихоньку потянул дверь. Она едва скрипнула, потом распахнулась и рядом с Колюшкой из темноты возникла Снежная Королева. Она трянула рассыпавшимися волосами: «Кто это задерживает полёт?» — посмотрела сверху вниз и удивилась:

— Вот тебе и раз! Что такое?

— Я Баскина треснул ручкой по лбу! — всхлипнул Колюшка.

— Как? Ручкой? По лбу? Человека? — Глаза у Королевы наполнились ужасом.

— А он мой ключ потерял! А мне маму кормить надо...

— Да?.. — сказала задумчиво Королева, вздохнула. Потом призадумалась ещё, кивнула: — Ну ладно! Проходи... Только тихо-тихо.

Колюшка застеснялся, а она подтолкнула его: смелей, смелей! — и, взяв за руку, провела по тёмному классу к последней парте.

В классе было совершенно темно. Окна черно зашторены, и только от задней стены из какого-то киноаппарата через весь класс пролетал яркий дымящийся луч. И впереди на большом экране сияла изрытая кратерами громадная Луна.

— Так, — сказала Королева из-за стола. Она чем-то щёлкнула, и на всех партах перед каждым учеником загорелись прикрытые колпачками светильники, так что лучи от лампочек падали только на тетради.

— Включим приборы! — сказала

она. — И смелей! В руках у вас прекрасные помощники — школьные микрокалькуляторы, МКШ-2. Но только помощники.* Кто быстрее рассчитает скорости, время полёта, расход горючего, тот прилунится первым. Итак, на старт, внимание. Пять, четыре, три, два, один. Взлёт!

И тут впереди себя Колюшка разглядел маленький серый аппарат с экраном и увидел, как на такой же аппарат, на его клавиши быстро нажимает пальцем

Луне. А впереди, у пульты, как главный конструктор, стояла Королева.

Сосед посмотрел на Колюшку — нажал на клавиши и его аппарата, вспыхнули зелёные циферки. И тут ему совсем показалось, что он вместе с классом оторвался от земли...

— И ты летишь? — спросила Королева, обходя класс, постояла немного около Колюшки и, возвратясь к столу, сказала:

— Готово? Проверьте всё устно!

сидящий рядом мальчишка в красном галстуке. На экране задвигались, засветились зелёные цифры. И на всех партах, впереди, сбоку светились такие же аппараты, таинственно мигали числа — шла какая-то удивительная таинственная работа. Приборы считали. Ученики, как штурманы, что-то записывали в тетрадках. Всё было, как в настоящей штурманской рубке. И казалось, на самом деле весь класс, как большой межпланетный корабль, летел, торопился к

Все принялись что-то вычислять.

А кто-то впереди крикнул:

— А зачем устно!.. У меня друг МКШ-2, электронно-вычислительная машина! Она и так всё делает!

— Смотри, Тюлькин, — усмехнулась Королева.

— А что?

И Колюшка тоже подумал: «Хорошая машина: нажал $2 \times 2 = 4$. Никакой таблицы умножения учить не надо».

И вдруг впереди что-то щёлкнуло, а

Тюлькин заёрзал, вскочил и замалал руками:

— Татьяна Андреевна! А у меня аппарат не работает.

— Не может быть!

— Правда! — крикнул Тюлькин.

— Ну так считай устно, — сказала

Татьяна Андреевна. — Торопись!

— А я быстро не могу. — Тюлькин сел и, вздыхая, стал выводить цифры на листке...

— Кто долетел? — спросила Татьяна Андреевна. И весь класс поднял руки. А она сказала:

— Тюлькин, давай листок.

Тюлькин подошёл к столу. Татьяна Андреевна щёлкнула выключателем. Луна на экране погасла. А вместо неё весь в каракулях появился увеличенный листок Тюлькина. По нему быстро забегал кончик карандаша, перечёркивая то одну, то другую цифры. Карандаш пометил и в конце, в углу, вывел громадную цифру 2, а Татьяна Андреевна встала и сказала:

— Всё. Класс улетел, а Тюлькин застрял в космосе. Застрял! Вот что значит надеяться только на друга МКШ, даже на самого хорошего.

Тюлькин вздохнул.

А Татьяна Андреевна весело сказала:

— А знаешь, меня ведь судить из-за тебя будут!

— Почему? — Тюлькин посмотрел исподлобья.

— Как почему? Придут родители, спросят: «Это вы нашего Бореньку в космосе оставили?» И ничего не скажешь! Факт налицо. Тюлькин болтается возле Луны! А отчего? Оттого что четвероклассник, как первобытный человек, не знал таблицы умножения! Не мог без МКШ два умножить на два! Позор!

— Мы его верёвочкой привяжем! — закричали ребята.

Но Татьяна Андреевна решительно взмахнула карандашом:

— Нет! Пусть выбирается сам! — и нажала на какую-то кнопку у стола.

Шторы тут же поехали вверх. В класс

хлынул весёлый свет, все засверкало от солнца. На стенках заулыбались с портретов бородастые математики. Засияли стёклами аппараты. На партах сверкнули циркули, острыми пирамидками потянулись вверх новенькие треугольники...

А за окном на высокой тонкой рябине закатались два снегиря.

Тут начались такие дела, что Колюшка только замигал: одни четвероклассники что-то писали на доске, другие в это время протягивали Татьяне Андреевне листки с решёнными задачками, проверяли работы друг у друга — и ставили сами оценки! И за всем она успевала уследить, на всё ответить и всё объяснить.

Но вот учительница сказала:

— Вы просили рассказать, что такое программирование. Я это сделаю. Завтра. А вам пока маленькое задание: вот за окном участок. — Все потянулись к окнам. — Подумайте, кто и что на нём хочет построить или вырастить. Что для всего этого нужно сделать? Прежде всего!

— Составить программу действий!

— Правильно, определить задачу, составить программу действий: что для вашей стройки нужно. С чего будете начинать, как строить. Попробуйте. А сейчас звонок. И я уже составила программу на перемену:

1. Проверить вычислительные приёмы.

2. Приготовить всё для следующего урока.

3. Позавтракать.

Все засмеялись:

— Хорошая программа!

А оставшийся в космосе первобытный Тюлькин быстрее всех побежал в столовую.

Но, случается, и в самую хорошую программу вторгаются незапрограммированные события.

Продолжение в следующем номере

Рис. Б. ДИОДОРОВА

КОЛЮШКИН КЛЮЧИК

Виталий КОРЖИКОВ

Продолжение

Незапрограммированные события

У двери кабинета уже толпалась и толкались рослые девятиклассники и десятиклассники. Одна из них, рыжая, с длинной чёрной косой, притопывала и пела:

Ты Журкова не жалей!

Он ужасный Бармалей!

А рыжий, с усиками парень вертел сердито головой, двигал громадными бровями и рычал: «Бр-р-р!» Увидев его, Татьяна Андреевна подтвердила:

— Бармалей, Бармалей! Самый настоящий! Ты мне что обещал? Я с тобой ещё поговорю.

Бармалей Журков заулыбался, вытаскивал из кармана какую-то ошметку и хотел что-то сказать, но тут раздались топот, крик:

А ну-ка постой! Нет, ты погоди! — И через журнал, с венчиком в руке, хватая за рукав вырывающегося пятиклассника, побегала седенькая тётя Поля. Синий халатик её распухался, маленькие глаза возмущённо сверкали: Да ты ещё толкаться?! Да я грязной обуви во школе?!

Ученик дёрнулся, повернулся и оказался перед Королевой.

Это кто такой? — спросила она.

А вы не знаете? — тётя Поля удивлённо вскинула брови. Это же Мурлыкин, Котька.

Тот самый Мурлыкин, который обижает маленьких, вытряхивает у них денежки?

— Он самый!

Мурлыкин завертелся и похрюскал. Уши у него зарделись, как два здоровых маха.

— И что же ты делал с деньгами?

Булочки жевал, — проворчал Котька, и всё вокруг захохотало.

Ах ты беднякый, голодаешный! — прилегла Татьяна Андреевна, глядя на толстые Котьянины щёки.

— И у кого же ты забирал? Может быть, у тебя забирал? Она посмотрела на Колюшку.

У меня ещё нет... сказала Колюшка, прижалась к другу, расхрабрившись, крикнула: — А у Кошанина и у Мышкина забирал!

Что? У Кошанина и у Мышкина?

Королева зажала голову. — У этих малышей? Так вот почему они такие маленькие и худенькие. А у него щёки, как толстые калачи, гневом сказала Татьяна Андреевна. — А вот если мы его сейчас тряхнём. Да так, чтобы из него булки посыпались? Тряхнём?!

— Ещё как тряхнём! — сказал Бармалей, ворочая глазами так, что Котька съёжился.

Хорошо! сказала Татьяна Андреевна. И ещё толкается! И кого толкает! Старенькую тёню Полю! Тёню Полю, у которой сыновья на фронте погибли! Няньку тёню Полю, которая сама ровняма с поля боя вытаскивала. Что? Не знал? Так вот смотри, сказала Татьяна Андреевна, словно составила программу: — Если ты на следующей перечне не извинишься перед тётей Полей, не вытрешь полы и не вывратишь до конейки всё, что вляз у ребят, держись! Ты слышал?

Слышал, проямил Котька и это посмотрел на Колюшку.

— Я вот тебе посмотрю! — сказала Татьяна Андреевна. Такой добромай! Сам бы маленьких зашпилил, а он! — Она потрогала пальцем и пошла к лестнице...

Но не успела сделать и несколько шагов, как лапстачу ей, взмахивая руками и качая головой, выбежала седая торопливая учительница и, задыхаясь, заговорила:

Татьяна Андреевна! Вы же нам всю картину портите! Все ему тройки

выставлен, всё? А вы — двойку! Это была классная руководительница этого класса.

Кому? спросила Татьяна Андреевна.

Сундукову! Конечно, Сундукову! Жаловалась руками классная руководительница. — Мы же из-за него от других классов отстаём!

И что же вы хотите? Татьяна Андреевна нахмурилась. Что же вы хотите, чтобы я поставила вашему Сундукову?

— Ну спросите его. Ведь что-нибудь он знает! — убеждала, сказала классная руководительница. Спросите. Вези картину портите! Сундуков! закричала она, оглядываясь. — Сундуков! И глаза её стали большими, как распахнутые окна.

Вот видите! Его и след простыл, исчезнулся! Татьяна Андреевна. Не поставлю я ему тройку. Тройку надо заработать. А он работать не хочет. Вот второклассник знает гораздо больше, чем Сундуков! И на глазах у противившейся навстречу взволнованной и удивлённой учительницы Воробьиной Татьяна Андреевна погладила Колюшку по голове. А классная руководительница Сундукова взмахнула руками:

Ничего не слышу. Голова гудит как колокол! — И побежала по коридору: Сунду-ко-он! Сундуков!

Чудеса да и только!

Перемена была в разгаре. По коридору, несмотря на окрики старших, толпились друг за другом мальчишки из второго «Б», оглядываясь, нервно прижимаясь. А в холле воображали девочки. Рыжая Фомина, вытягивая шею, изображала из себя Аллу Пугачёву, Богдановская подпрыгивала и лапками дёргала голову вверх, как знаменитая фигуристка Бестемьянова, а Пирожкова лежала на диване, будто вода в бассейне, дикоелем и, задрав ноги, вводила ими, демонстрируя фигурное плавание.

Баскин бежал вокруг и хохотал:

Он, не могу! Фигурное плавание! Ой, не могу!

Колюшка подёргал его за рукав: ему же терпелось рассказать про всё: про класс, про Снежную Королеву, про полёт на Луну. А Баскин всё бежал и кричал: «Ой не могу, ой не могу!»

Потом разразившись звоном, Вера Семёновна чётко подняла руки ладонями вверх — и все фигуристки, певицы и бегуны быстро превратились в сморщенных и непослушенных второклассников.

Пол-урока они писали диктант и проверяли его, потом разбирали ошибки. Но между делом Колюшка успел рассказать Воле всё, что было с ним в скалочном кабинете у Татьяны Андреевны, и выложить составленную программку: посмотреть летающий класс — раз. Разгадать про тёту Полю — два. Ведь если она героиня, так её портрет есть где-нибудь на стене. Понаблюдать, что будет делать Мурлыкин, и поискать ключ.

Как только прозвенел звонок, они помчались в кабинет математики. И чуть не столкнулись с тоненькой строгой женщиной, которая стояла в дверях кабинета и распоряжалась:

Пожалуйста, Татьяна Андреевна, будьте готовы. К нам в школу сегодня выйдет телевидение: снимать наш кабинет.

Мальчишки переглянулись: «Телевидение!»

Но мне некогда! — донеслось из класса.

Вам ничего не придётся делать. Вы себе работайте. Я всё расскажу сама! — успокоила распорядительница мягким голоском: Я всё сама... Только, пожалуйста, чтобы занавесочки, таблички — всё было в порядке...

Разговор был долгий, а перемена короткая. И Колюшка с Волей побежали вниз, на первый этаж, к стенду, где были фотокарточки поезавших когда-то учителей. Мальчишки стали смотреть слева направо: в таинственном шлеме улыбался чаловый воерук: учитель

труда, подбоченясь, стоял в кубинке с орденом Красной Звезды на груди. Учитель физики — с орденом Славы — возле пулемёта. А тёти Поли не было.

Они осмотрели стенд справа налево. Справа налево тёти Поли тоже не было!

— А говорил, героиня! — сказал Баскин.

— Так она тогда тоже была молодой! — вспомнил Колюшка. Но и молодой тёти Поли на стенде не оказалось... А вот настоящая тётя Поля стояла око-

ло дверей, сверкая маленькими быстрыми глазками, и приговаривала проходящим с улицы:

— А ну-ка, вытирайте получше, получше ноги!

А, знаю! — спохватился Колюшка. — Она, наверное, в музее боевой славы!

— Точно! — крикнул Вовка. Они повернули к музею. И вдруг оба приросли к полу. К ним направлялся Котёк Мурлыкин.

— Ну что, мальчики, денежки на месте?

На месте, — мальчишки с опаской притихли.

— И никто вас не обижает?

— Нет! — переглянувшись шёпотом, сказали Колюшка и Вовка.

Точно?

— Точно!

— Смотрите, — сказал Мурлыкин, почему-то глядя на Колюшку, — если что, скажите мне. Я их! Ладно?

— Ладно! — Уши Баскика от удивления стали ещё больше, чем были. Но глаза тут же встревоженно забегали, потому что Мурлыкин направился к лестнице. А по ступенькам навстречу ему спускались маленькие Кошкин и Мышкин.

Увидев его, они в ужасе остановились и прижались друг к другу. А Мурлыкин полез в свой карман, достал 20 копеек, потом ещё 20 и, оглянувшись, видит ли другие, протянул по монете одному и другому и сказал:

— Спасибо, ребята. Выручили в трудный момент. Я ведь у вас брал взаим: от-чень есть хотелось.

Он собирался сказать что-то ещё, но, заметив Мурлыкина возле ребят, к нему бросилась тётя Поля с венком в руках:

— Ты опять за своё, Котыка?

Но Мурлыкин вежливо сказал:

— Что вы, тётя Поля! Я им долг от-

— Правда?

Мальчишки кивнули: правда! А Мурлыкин сказал:

— Извините! — Он оглянулся, заметив около входа мокрые следы, подбежал, взял тряпку и принялся усердно вытирать пол. Котыка выподил программу!

Тётя Поля рассмеялась, закичала головой:

— Чудеса, да и только! И надолго ли тебя хватит!

Продолжение следует

КОЛЮШКИН КЛЮЧИК

Виталий КОРЖИКОВ

Продолжение

НОВЫЕ СОБЫТИЯ

Про всё, что увидел и узнал, Баскин тут же рассказал всему классу, и на следующей перемене полкласса бегало смотреть то на тётю Полю, то на Мурлыкина, то заглядывать в кабинет к Снежной Королеве, которая улыбалась, а потом сказала:

— Ну вот что! Я вижу, вам интересно? Хорошо... Но поодиночке ко мне не бегайте. Вы мешаете. А если придёте вместе с Верой Семёновной, я с удовольствием вам всё покажу!

Всё?

— Всё! — сказала Королева, так что и подросевшая Вера Семёновна покраснела от удовольствия, улыбнулась и звонко-звонко предупредила:

— А мы придём. Обязательно придём!

И все стали говорить, как хорошо получилось, что Колюшку утром прогнали из класса!

Настроение у него поднялось, и на последнем уроке он с таким выражением прочитал стихотворение, что Вера Семёновна вскинула удовлетворённо голову, объявила: «Пять!» — и вписала в дневник большую красивую пятёрку. А когда на последних минутах она дала задание иллюстрировать стихотворение «Осенние листья», Колюшка нарисовал в альбоме бегущие синие волны, пароход, над ним одинокий грустный листок. И Вера Семёновна совсем разволновалась, так что поставила Ко-

люшке ещё одну прекрасную пятёрку.

А потом уроки кончились. Баскин закричал, что едет со старшим братом в кино «Красный факел», Пирожкова показала, как она будет на тренировке разводить в воде руками и ногами — и все вышли строем из класса и заторопились: кто домой, кто в продлённую группу... А Колюшка задержался в раздевалке. В продлёнку он не ходил: мама не записала... Конечно, можно было, как всегда, побегать возле дома и полетать на скрипучих качелях. Но пальто он оставил дома, в одном пиджаке было уже холодно. Да и уходить почему-то не хотелось...

Он зашёл в библиотеку, перелистал журналы, у спортзала послушал, как ловко хлопают по мячу школьные баскетболисты, потом подёргал дверь у закрытого музея боевой славы и неожиданно увидел, что оказался снова возле кабинета математики, в котором утром летал на Луну.

Дверь кабинета была открыта, и, хотя уроки кончились, одни ученики в него заходили, другие выходили. А знакомая румяная девятиклассница с толстой косой опять пританцовывала у окна и пела:

**Кто прошляпил, пробел,
Заходи сделать пробел!**

У доски в классе стояли сразу несколько человек. Только сейчас Колюшка заметил, что и доска в классе не обыкновенная — а как огромная открытая книга. Каждая страница — тоже доска. Возле каждой страницы кто-то стоял, решая задачи, отвечал, и Татьяна Андреевна, выслушав, говорила:

— Хорошо... Так. Пробел ликвидирован. И в журнал, где была белая клеточка, в которой раньше могла появиться двойка, ставила с удовольствием 4, 5 и со вздохом 3.

У одной страницы стоял застрявший в космосе Тюлькин и скучно пожимал плечами:

— Что-то не получается...

-- Слов «не получается» я не признаю! — сказала Татьяна Андреевна и

встала. — Постарайся, проверь, поучи...

А девчонка с косой тут же пропела:

**У того, кто очень учится,
Обязательно получится!**

Все засмеялись, Татьяна Андреевна улыбнулась:

— Смотрите-ка! Ещё поэтом станет! Сама-то всё сдала? Всё? И ничегошеньки не должна?

Тут она снова заметила Колюшку, подойдя, наклонившись над ним и ласково спросила:

— А ты опять здесь? Что-нибудь забыл?

Нет... — смущаясь, ответил Колюшка. — Я же ключи потерял.

И не можешь попасть домой? — в голосе учительницы было столько участия, что Колюшка вздохнул и покачал головой: не могу.

— Вот беда так беда! — Покачал головой Татьяна Андреевна. — Ну ладно, — сказала она. — Давай-ка тогда не будем терять времени. Тебе ведь заданы уроки?

Колюшка кивнул.

— Тогда иди за свою парту. — Он так и сказала: «за свою» — и показала пальцем в угол.

Колюшка радостно захлопал ресницами, побежал в угол и, сев за парту, достал из портфеля тетради.

САМЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Колюшка стал решать примеры, а Татьяна Андреевна, стоя у двери, спрашивала Бармалея Жмуркина, который весело стучал мелом. Ей, видно, очень нравилось, как толково и ладно отвечал он лёгким баском. Колюшка даже по голосу чувствовал, как она улыбается, с удовольствием говоря: «Молодец! Ах молодец!» И было ему приятно, будто это слово «молодец» как-то касалось и его, Колюшки. Оно подбадривало. Примеры решались легко, интересно. Числа в тетради множились сами собой.

Впереди него сидели две девчонки. Переговариваясь, что-то писали. Одна с завистью вздыхала:

— Вот Бармалей, вот Бармалей! Всё знает!

А Бармалей, глядя на них, вдруг нарочно двигал густыми бровями и продолжал весело басыть. В класс вошла женщина — Колюшка вспомнил: распорядительница. Она взмахнула ладонками и объявила:

— Всё, всё, всё! Приготовились. Все — по местам. Сейчас нас будет снимать телевидение, и почему-то села на место Татьяны Андреевны.

— Но у нас же занятия! — сказала Татьяна Андреевна. Мы работаем!

— И продолжайте! — распорядительница невозмутимо трянула чёлкой.

Девчонки переглянулись, пожали плечами и наклонились над тетрадями.

В классе появились какие-то люди с прожекторами, вспыхнул яркий свет. Оператор в синем берете стал водить кинокамерой по приборам, по партам. Остановился было на Колюшке, но Колюшка опустил голову, потому что здесь он был человеком случайным.

Потом оператор направил камеру на стол, где сидела распорядительница, которая тут же стала говорить, как необходимо сегодня дружить с ЭВМ. Как всё надо знать, понимать, уметь. И как необходимо уметь, понимать, знать! Тут она нажала на какую-то кнопку в МКШ.

Что-то в приборе стрелкнуло, и из МКШ вылетел дым.

Девчонки присушили.

Татьяна Андреевна быстро повернулась: либо её вдруг побелело, как у самой настоящей Снежной Королевы, либо сердито вспыхнуло. Но распорядительница как ни в чём не бывало быстро быстро затараторила:

— Всё, всё, всё! Мы закончили! Ничего страшного! Больше ни минутки! Нам очень некогда! Некогда, некогда...

И через минуту в классе возле стола висело только облачко дыма... А оператор, закрывая аппарат, кивал беретом и улыбался:

Вечером смотрите!

Татьяна Андреевна огорчённо села на свой стул, посмотрела на МКШ — опустила руки и, еле сдерживая слёзы, сказала:

— Сплошные огорчения!

Девчонки, опомнившись, возмущённо зашептались.

— Ей-то ничего! Только бы сняться!

Татьяна Андреевна с приборами почей не спала и пришла, и установил, всё сама!

Они ей как дети!

Всем стало тяжело. Все вздохнули. И Колюшка тоже. А Бармалей сказал: Татьяна Андреевна, не огорчайтесь. Я сейчас почию.

Ну да! Ты мне вон уже один чинишь-чинишь. Настоящий ты Бармалей, Серёжка!

Серёжка рассмеялся и сказал:

Ну хоть и Бармалей, а, честное слово, сейчас почию.

Он открыл дверку шкафа в стене, вынул оттуда ящик с инструментами, достал олову, маленький паяльник. И скоро по классу распространился приятный запах канифоли.

Бармалей нашёл. Кто-то скрипнул о доску мелом, вздыхая.

Татьяна Андреевна взялась за проверку тетрадей — столки их стояли по бокам стола, как сторожевые башни. — когда в класс стремительно вошла знакомая классная руководительница:

— Татьяна Андреевна! Вы, кажется, очень желали видеть Сундукова? Так вот он! Просто рвётся, чтобы вы его спросили!

Колюшка только бросил на рвущегося Сундукова взгляд и тут же наклонился над тетрадкой. Ему хотелось поскорей покончить с домашним заданием, чтобы перебраться поближе к месту, где Жмурков колдовал с паяльником над МКШ. Но из разговора он не упустил ни словечка.

— Явился? — сказала Татьяна Андреевна. — Да ещё в новеньких туфлях и новеньких джинсах! Видали, нос задирает перед девочками.

Сундуков засонел. И, как показалось Колюшке, задрал голову.

— Ладно! Сколько будет двадцать пять умножить на 25?

Сундуков вздохнул. А классная руководительница всплеснула руками:

— Но это же очень сложно!

А пятьдесят разделить на 50?

— Ноль...

Теперь вздохнула классная руководительница, а Колюшка вздрогнул: даже он знал, что 50 разделить на 50 будет 1.

Стул под Татьяной Андреевной скрипнул, она спросила:

А сколько твоё мама зарабатывает в месяц, знаешь?

— Сто рублей! — живо сказал Сундуков.

— А сколько стоят твои джинсы? — спросила она громче.

— Семьдесят! — гордо выпалил он.

— Тогда реши задачу — реши, сколько дней надо работать на фабрике маме, чтобы покупать новые джинсы такому лодырю, как ты. Ведь у тебя даже на лбу написано «лодырь»! — Тут она так выбросила вперёд руку, будто нажимала на клавишу, что Колюшка вскинул глаза — посмотреть, не вспыхнет ли на лбу Сундукова слово «лодырь».

— Беспольный ты человек, вредный! Только и пользуешься чужим трудом! Знаешь ты кто? Людя революцию со-

вершили, чтобы таких, как ты, не было! — сказала Татьяна Андреевна. — Ты почему не помогаешь маме? Даже чай не согреешь, когда она приходит с работы!

Колюшка быстро подумал, что он-то чай греет и суп греет! Тут голос Татьяны Андреевны стал жёстким, глухим, глаза сузились.

— Мать работает, работает, чтобы тебя вырастить, выкормить, а ты своим учением себе даже на сухую корочку не заработал! Джинсы ему! Я вот ей ещё выговор за эту покупку сделаю.

И Колюшка припал к парте, беспокоясь, что вдруг и он не зарабатывает на сухую корочку, вдруг и его родители могут получить выговор.

— Сммотри, я сегодня вам позволю, — строго предупредила Татьяна Андреевна. — И если узнаю, что ты не накормил маму ужином, и если придёшь хоть раз с невыученным заданием — смотри...

Все притихли. Классная руководительница зашептала: «Позор! Просто позор!» — и потянула Сундукова за рукав.

А Татьяна Андреевна задержала его:

И подумай над самой главной задачей, которую не решит за тебя ни один компьютер: как стать человеком!

Сундуков буркнул:

— Подумаю...

А Татьяна Андреевна вздохнула:

— Когда я вижу перед собой лодыря и знаю, что это мой ученик, — я самый несчастный человек на свете.

Продолжение следует

КОЛЮШКИН КЛЮЧИК

Продолжение

Виталий КОРЖИКОВ

И КОНЕЧНО, СЕРДЦЕ...

Но ведь бывает так, что всё на свете мгновенно меняется!

Вдруг в кабинет ворвался радостный Тюлькин и выпалил:

— Решил! Татьяна Андреевна, решил!

— Не может быть!

— Решил, правда! — Глаза Тюлькина блестели.

— Сам?

— Честное слово, сам!

Он схватил кусок мела, бросился к доске и стал прямо-таки отстукивать азбуку Морзе:

— Так, до Луны 360 тысяч километров... Ракета летит со средней скоростью... — Он быстро выложил, сколько лететь туда, сколько обратно, сколько всего, и Татьяна Андреевна рассмеялась:

— Ну, молодец, выбрался...

— Охота была одному торчать в космосе! — важно сказал Тюлькин.

— Молодец, — похвалила его учительница. — Но можешь и лучше. Можешь! — И Тюлькин, очень довольный тем, что может и лучше, быстро выкачался, чтобы не застрять где-нибудь снова.

Потом в класс робко вошли две румяные учительницы из какого-то таёжного села, от которых, казалось, и здесь пахло хвойным смолистым лесом. Они смотрели на парты, на доску, на приборы и охали, разводили руками и просили Татьяну Андреевну взять над ними шефство, потому что им тоже очень хотелось у себя в далёкой тайге учить ребят, хороших ребят, толковых ребят вычислительной технике. И чтобы всё получилось...

И Татьяна Андреевна отвечала: получится! Только нужно приложить руки и, конечно, вложить сердце...

ЭВМ, ЭВМ!

В этом хороводе Колюшка решил, что о нём давно забыли, и потихоньку пристроился к Жмуркову паять прибор МКШ. Жмурков ему весело подмигивал, кивая то на одно, то на другое. И Колюшка «прикладывал руки» — он то подносил канифоль, то подавал паяльник, то поддерживал сам прибор.

Он почувствовал, как на плечо ему опустилась легкая рука, оглянулся и увидел рядом с собой Татьяну Андреевну.

— Ну как тут у вас дела? Получается? — полюбопытствовала она.

— У того, кто очень учится, обязательно получится! — пропел Жмурков.

— Это хорошо! — согласилась Татьяна Андреевна. — А ты бы научил и меня. Я-то ведь не умею. Не звать же мне тебя всякий раз.

Колюшка удивился: «не умею»... но ещё больше удивило его это слово «научи!».

Серёжа согласился: «Пожалуйста». Протянул учительнице паяльник, два зачищенных блеснувших проводка и сказал:

— Вот здесь и паяйте!

— И получится?

— Если вложить сердце,— улыбнулся он.

Она окунула паяльник в канифоль, прихватила им кусочек олова, приложила к проводам, и маленький блестящий шарик соединил два контакта.

— Теперь вот сюда,— Жмурков показал в глубину прибора. Татьяна

Андреевна проникла паяльником в маленькое углубление, повертела там, и Серёжка сказал:

— На этот раз всё.

— А второй? — спросила Татьяна Андреевна.

— Второй давно готов!

— И можно попробовать?

— Пожалуйста! — пожал плечами Бармалей.

Татьяна Андреевна собралась нажать на клавиши, но посмотрела на Колюшку и спросила:

— А ты задание по математике выполнил?

— Да! — сказал Колюшка и покраснел.

— А ну-ка давай проверим на компьютере, а?

Колюшка, волнуясь, достал тетрадь.

Татьяна Андреевна полистала, кивнула:

— Так, 4 и 5. Молодец Вера Семёнова, хорошо учит. А вот и домашнее задание. Так, 2 умножить на 2 — это всем понятно. А вот, скажем, 4 умножить на 4...

Она нажала на клавишу с цифрой 4, потом на крестик, потом опять на 4 и

на знак «равняется». И на табло засветилось яркое число 16.

— Работает! — довольно сказала Татьяна Андреевна. — А ну-ка давай 4 умножим на 5. — И взяла Колюшкину руку.

Колюшка, волнуясь, нажал на 4, хотел надавить на 5, но вспомнил, опустил палец на знак «умножить», а потом на 5 и на «равняется». Кто-то внутри прибора всё мгновенно пересчитал, перемножил, и на табло выскочило ярко и чётко: 20!

— Молодец, компьютер! — сказала Татьяна Андреевна.

— Добрый молодец! — сказал Бармалей.

— Как в сказке... — вздохнул Колюшка.

— А что! — сказала Татьяна Андреевна. — С ним и про него можно сочинить знаешь какие сказки!

— Можно, — согласился Серёжа Жмурков, нахмурил брови и заулыбался. — Хотя про курочку рябу!

«Снесла курочка яичко. Не золотое, а простое. Вышла из яичка ещё курочка. И снесла за год 200 яичек. А из них ещё по курочке. И тоже снесли по 200 яичек. Сколько же это курочек получилось?»

Он быстро нажал одну за другой клавиши, увидел, как на табло за четвёркой выскочили четыре нуля, засмеялся:

— Сорок тысяч! А они тоже стали нестись!

«Зачесали в затылке дед и баба:

— Это же сколько зерна надо их прокормить? Попросту не сосчитаешь? — Пошли к электронно-вычислительной машине, спрашивают: — ЭВМ, ЭВМ, а сколько же нужно зёрнышек, чтобы прокормить наших курочек?»

Татьяна Андреевна засмеялась, Колюшка хихикнул, а Жмурков подумал, предложил:

— А можно ещё интересней!

Колюшка приоткрыл рот...

«Решили отправить разведку на далёкую планету и говорят:

— Ну-ка, братец МКШ, собирайся в дорогу!

Отправился было МКШ-2, да одумался. Вернулся, говорит:

— Туда бы братца помоложе послать. Он поновее да поучёнее. Больше знает, больше может!

Отправили МКШ-64. Забрался он в космос, полетал, подумал. И тоже говорит:

— Нет, туда нужно самого молодого, самого нового! Уж он-то любую программу выполнит! Всё сможет. Всё узнает — и в море нырнёт, и по звёздам побегает: всё расскажет...»

Татьяна Андреевна вдруг привстала, хлопнула по парте ладонью.

— А что, давай разработаем программу! Программу-сказку! Только для всех! Чтобы один в океан нырнул, другой дворец построил, третий к звезде полетел — всем классом, для всех, а?

Можно, — сказал Жмурков. — Выйдут «Сказки дедушки Компьютера».

— Договорились?

— Договорились!

А Колюшка вдруг спросил:

— А можно посчитать на МКШ-2, за сколько времени пароход от Бомбея дойдёт до Владивостока?

— Конечно, можно! А зачем тебе? — поинтересовалась Татьяна Андреевна.

— А там мой папа, на дизель-электроходе. Они чай везут.

— Так ты тоже морской человек! — воскликнула Татьяна Андреевна. — Тогда обязательно сосчитаем!

Она стала нажимать клавишу за клавишей. Так, словно знала всё — и расстояние от Бомбея, и скорость корабля...

Колюшка удивился:

— А откуда вы всё знаете?

Тут Татьяна Андреевна подвинулась к нему, подставила поближе нос и спросила:

— Видишь, какой у меня белый кончик носа?

— Вижу, — сказал Колюшка, хоть нос был как нос.

— А знаешь это отчего? Оттого, что мой муж тоже был моряком и, когда он уходил в далёкое плавание, мы с сыновьями крепко прижимались носами к замёрзшему стеклу, и смотрели, и ждали, и считали без ЭВМ, сколько миль от Сан-Франциско, сколько от Бомбея, а сколько от Иокोगамы... Так что всё знаем без компьютеров. Носами!

Колюшка засмеялся. А Татьяна Андреевна сказала:

— Через месяц твой папа будет дома. — А потом повернулась к Серёже: — А тебе спасибо! Спасибо и извини, что я на тебя набросилась-напустилась. Никакой ты не Бармалей, а очень полезный человек!

И Небармалей Серёжа заулыбался во весь рот и стал собирать свои вещи.

Окончание следует

Рис. Б. ДИОДОРОВА

КОЛЮШКИН КЛЮЧИК

Окончание

Виталий КОРЖИКОВ

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Колюшка подумал, что пора бы уже уходить и ему: на улице стало сразу и краснеть, и смеркаться. Снегири давно улетели с рябины на ночёвку. И скоро должна была вернуться с работы мама.

Но тут в коридоре послышались чёткие громкие шаги, в дверь постучали, и два голоса вместе спросили: «Разрешите войти?»

Татьяна Андреевна вдруг вскрикнула: «Володя, Андрюша!» — и, раскинув руки, шагнула вперёд.

В класс вошли два высоких солдата. Один ступал ровно, другой — опираясь на палочку. На груди у каждого сверкали медали «За отвагу». А лица были обветрены и обожжены горячим солнцем.

Татьяна Андреевна бросилась обнимать их и вдруг, отступив, спросила:

— Откуда же вы, ребята?

— Издалека, из Афганистана.

Колюшка про Афганистан, конечно, знал. Знал, что афганский народ прогнал богачей, эксплуататоров и начинает новую, хорошую жизнь. Строит заводы, фабрики, школы. Видел по телевизору, как высоко в горах в жару и мороз наши солдаты помогают афганским рабочим и крестьянам охранять их землю от бандитских налётов. Поэтому тоже с любопытством посмотрел вниз, когда Татьяна Андреевна притронулась к палочке, на которую опирался солдат:

— Что с ногой?

Солдат промолчал, а его товарищ сказал:

— Там — мои пули. Если бы не Андрюшка, то как раз достались бы мне. В голову.

— Как так? — Татьяна Андреевна присела на парту, солдаты — на стулья.

— А так, — сказал солдат Володя. — Ехали мы впереди колонны на бронетранспортёре. Охраняли машины с мукой. Для крестьян. Горы кругом. Доехали до посёлка, остановились у школы, и тут из-за скал душманы посыпались. Как тараканы! Бегут прямо к школе, палят из автоматов то в нас, то по окнам. А там ребяташки. Такие, как он. — И Володя кивнул на Колю. — Мы уже про себя не думали. Бросились наперерез. Залегли перед школой. Отстреливаемся. А тут душман сбоку выскочил и прямо по мне — очередь. Андрюша успел вскочить, прикрыл. Вот ему сразу две пули... в ногу...

— Ничего. Хорошо, что не в кость. А потом Володя меня прикрыл! — сказал Андрюша и положил руку товарищу на плечо. — Хорошо прикрыл!

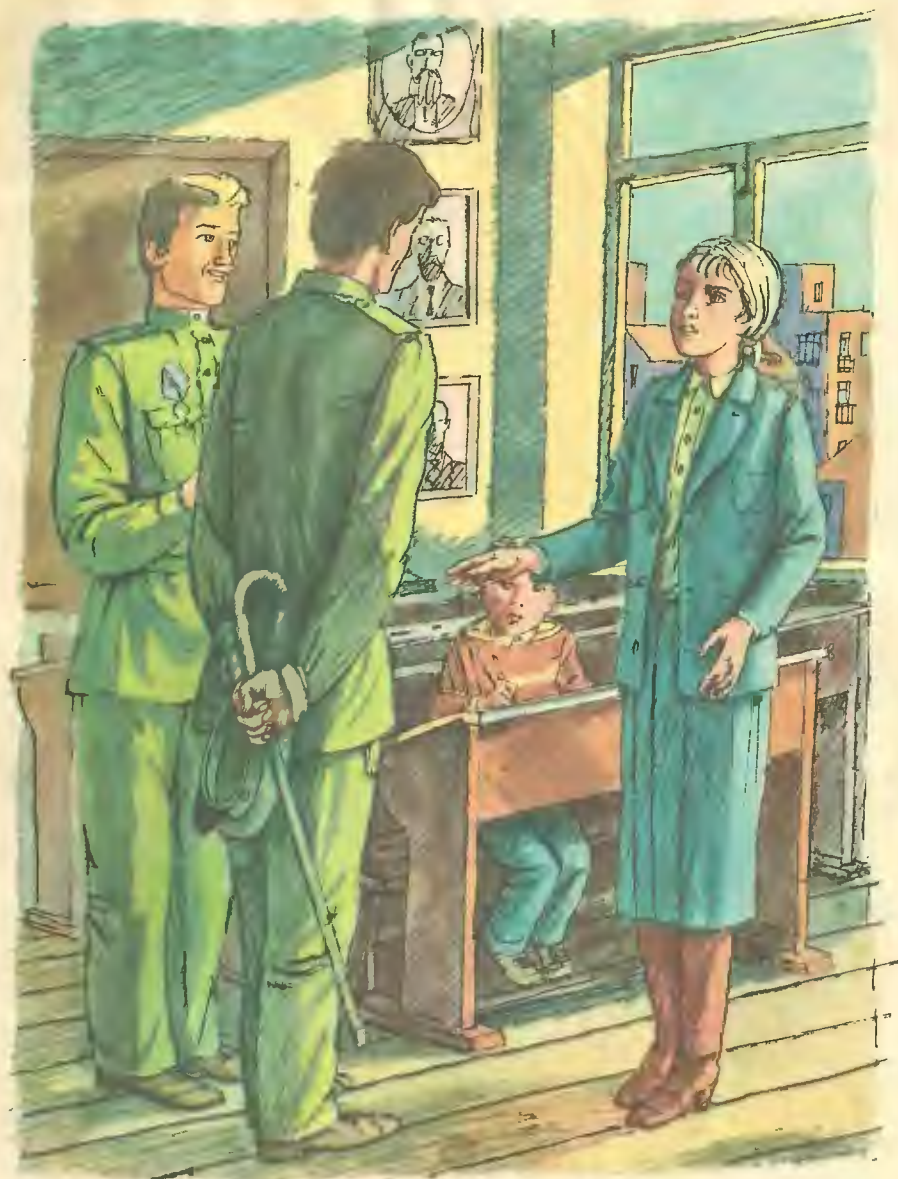
— Родные вы мои! — Татьяна Андреевна вздохнула. — Дорогие! — и вдруг сказала: — А я всегда знала, всегда верила, что наши ребята везде будут один за всех и все за одного! Всегда знала! Спасибо вам! И за то, что хорошие друзья, и за то, что настоящие герои. Спасибо!

— Это вам спасибо! — сказали вместе Володя и Андрюша. — Мы вас там всё время вспоминали. Вспоминали, как в походе всем классом у костра кашу варили.

— И как картошку пекли!

— И как вы нас ночью своей курткой укрывали, — улыбнулся Андрюша, вытягивая раненую ногу. — Иногда станет холодно, прижмёмся друг к другу и говорим: «Сейчас нас Татьяна Андреевна курткой укроет...»

В классе стало тихо. И Колюшка сразу представил, как гудит в горах ветер, как он тоже сидит у костра, а Татьяна Андреевна укрывает его своей курткой...

Тут Татьяна Андреевна встала, незаметно вытерла глаза.

— Спасибо, ребята, спасибо! Знаете, я сегодня, кажется, самый счастливый человек на свете! Представляю, какие счастливые сегодня ваши мамы...

Володя и Андрей виновато улыбнулись:

— Мамы ещё не знают...

— Как не знают?!

— Мы ведь сюрпризом, а они на работе. Видим, у вас окошко засветилось — и сюда, на костерок. — И они оглядели родной класс. А Володя погладил рукой парту, наверное, свою родную.

Татьяна Андреевна вдруг забеспокоилась:

— Домой ребята! Домой! Мамы сейчас прибегут, вот увидите! Мамы всё чувствуют! — Она попрощалась, обняла ребят. — Знаете, как они вас ждут?!

Знаете?!

И солдаты Володя и Андрюша почти в ногу зашагали по коридору.

Вот тут-то в класс по-хозяйски вплыла тётя Поля, поправила на голове пёстрый платочек и сердито упёрла руки в бока:

— Татьяна Андреевна, я ведь ругаться пришла!

Колюшка удивился.

— Вы ведь сегодня опять не обедали. Не завтракали и не обедали! Куда это годится? Одними машинами сыт не будешь! — Она стрельнула глазами в Колюшку. — Я так говорю или не так?

Колюшка опустил ресницы:

— Так.

— Виновата! — всплеснула руками Татьяна Андреевна. — Замоталась. Честное слово, запрограммировала обед и забыла.

«Конечно, — подумал Колюшка, — замоталась. Если бы не Сундуков, не Тюлькин и не телевидение, то не забыла бы».

А тётя Поля подобрела, глазки засветились.

— Ну ладно, — сказала она. — Прощаю. В последний раз. А сейчас вам

хотя бы вот это. Из своего сада. — И, достав из передника, она протянула большое румяное, как снегирь, яблоко.

— Ну спасибо! Спасибо, тётя Поля! — Татьяна Андреевна взяла угощение, взглянула на Колюшку, разложила яблоко пополам и самую румяную половинку протянула ему.

Колюшка застеснялся, но Татьяна Андреевна настойчиво подбодрила: «Держи!» И они вместе захрустели вкусными сочными половинками.

А тётя Поля присела за парту и кивнула на дверь, улыбнулась:

— А ребята хороши! Какими баловниками были, а хороши! — Она помедлила, что-то вспомнила и вздохнула. — Совсем как мои сынки...

Она распахнула халат, достав из пиджака паспорт, открыла его и протянула фотокарточку.

— Погибли под Москвой, в один день.

С карточки, в пилотках, в шинелях с петлицами, смотрели, прижавшись друг к другу, два молодых красивых бойца. Брови их были хмуро сдвинуты, губы сжаты. Как перед боем.

Тётя Поля вздохнула:

— На каникулы поеду к ним, навещу.

Она сдвинула фотокарточку, а из-под неё выглянула другая, маленькая, с женщиной — в берете со звездой, с тремя медалями на гимнастёрке.

Колюшка сразу наклонился.

— А это я, после Победы, — улыбнулась тётя Поля, а потом кивнула на своих мальчиков и сказала: — Вот бы им здесь в таком классе поучиться! Просто чудо! И всё своими руками! — Сказала и поднялась: — Ну ладно, пойду! А то меня там наверняка ищут. Тот шапку оставил, другой ботинок куда-то дел. — Тётя Поля опустила руку в карман и вытащила маленький блестящий ключ на синей верёвочке. — А вот убирала и под скамейкой нашла. Какой-то разгильдяй оставил, а теперь, поди, сам мёрзнет. Родителей ждёт.

— А это же мой... Мой! — крикнул Колюшка.

А тётя Поля рассмеялась:

— Так, значит, ты и есть этот самый разгильдяй? — и вдруг закивала: — Вот почему ты пригнулся у Татьяны Андреевны. Все к ней прибиваются! — Она протянула Колюшке ключ, сказала: — Держи! И по домам, по домам!

— По домам! — согласилась Татьяна Андреевна, положила в сумку тяжёлую пачку тетрадей — на всю ночь хватит. Осмотрела приборы, сказала: — Ну, спокойной ночи, малыши! — Щёлкнула выключателем, и портреты на стенах, и МКШ-2 и МКШ-64 погрузились в задумчивую темноту...

Они вышли на улицу и ахнули. На горизонте под тучей ярко горела первая звезда. Но из тучи падал снег. Он кружился, покрывая белым пушком дорогу, ложился на деревья, и Татьяна Андреевна скосила глаза на воротник шубы.

— Смотри-ка! Не обманули! Спрогнозировали точно! Наверное, со спутника. Сказали, будет снег — идёт снег!

Снежинки, мягкие, лёгкие, крупные, летели всё гуще и гуще, превращались в весёлую метелицу.

Колюшка вспомнил, как помогал утром Татьяне Андреевне нести банку с лягушками, и сказал:

— А давайте, я вас провожу до автобуса и сумку помогу нести!

Но Татьяна Андреевна возразила:

— Спасибо, дружок! Беги-ка домой! Ты ведь без пальто, простудишься! И мама тебя ждёт.

Но Колюшка, прижав ухо к плечу, дождался в стороне, пока подошёл присыпанный снегом автобус, посмотрел, как Татьяна Андреевна вошла, села и помахала ему через беленькое окошко — совсем как Снежная Королева. И он остался один.

Наверху сквозь снег желтела луна, до которой было 360 тысяч километров и около которой сегодня чуть не застрял Тюлькин, а на земле — напротив, позимнему рано начинал светиться окнами их девятиэтажный дом...

Колюшка опустил руку в карман,

нащупал вдруг сохранившуюся монетку — 20 копеек. И в голове мгновенно защёлкала программа. Он забежал в булочную, купил батон. Добравшись до квартиры, открыл дверь. Достал кастрюлю, помыл и устроил пыхтеть на плите картошку в мундире, расставил на столе тарелки, положил вилки.

И тут вошла мама, вся заснеженная, с такой же заснеженной подружкой, их соседкой. Она посмотрела на плиту, на стол и сказала:

— Молодец, Колюшка! Просто молодец! А уроки?

— Готовы! — выложил Колюшка. — Ещё в школе. На компьютере!

— Что это он? — заморгала соседка снежными ресницами.

— Фантазёр, — улыбнулась мама, снимая пальто.

— И никакой не фантазёр! — сказал Колюшка. — Я знаю даже, когда папа вернётся: через три-четыре недели!

Мама обрадовалась:

— Радиограмма была?

— Да нет! Компьютер выдал! — сказал Колюшка.

— Ну ладно, хватит, — отмахнулась соседка. И все, помыв руки, стали са-

диться к столу, за вкусную рассыпчатую картошку.

Потом мама принесла чай, включила телевизор и стала предполагать, когда же приплывёт её Пташкин-старший из Индии, не задержится ли в Японии...

А по экрану понеслись через всю страну поезда, поплыли теплоходы, загрохотали на стройках подъёмные краны. Потом пошло стадо — и в белых халатах заулыбались доярки.

Вдруг Колюшка насторожился. На экране появился знакомый класс, знакомые приборы и треугольники на партах. Быстренько закивала зрителям знакомая женщина. А у доски, по-доброму улыбаясь и что-то показывая Серёжке Бармалею, появилась в ярком голубом костюме знакомая фигура учительницы. Лицо её становилось всё больше, улыбкой оно заняло весь экран — посмотрело на Колюшку, и Колюшка закричал:

— Ура! Наша Татьяна Андреевна!

— Какая Татьяна Андреевна? У вас же Вера Семёновна Воробьева... — пожалла плечами мама.

Но Колюшка ещё громче закричал:

— Татьяна Андреевна! Мы сегодня с ней летали на Луну! При помощи МКШ!

Женщины удивлённо переглянулись, а Колюшка засмеялся. В памяти у него мелькали программы, менялись на табло быстрые зелёные цифры. В груди весело стучало, будто только что вложенное сердце. Стояла у пульта улыбающаяся Татьяна Андреевна, и вместе с поездами, кораблями, ракетами они всем классом летели куда-то далеко-далеко. И хоть названия этому далеко Колюшка пока не знал, он чувствовал, что это очень интересная, дружная, добрая дорога...

Рис. Б. ДИОДОРОВА